

Часть вторая
ЗАГРАНИЧНЫЕ ПОЕЗДКИ

Зарубежные поездки Петра Первого, согласно свидетельствам отдельных иностранных подданных, сопровождались многочисленными скандалами и инцидентами, которые создавали негативный образ России в Европе.

И если во время «Великого посольства» это было связано в первую очередь с незнанием российским императором и его ближайшим окружением нюансов дипломатического протокола и отсутствием предварительных коммуникаций с принимающей стороной, то после 1710 года Петр Первый воспринимался как варвар, который цинично и демонстративно игнорировал не только дипломатический и светский этикет, но и элементарные законы поведения в гостях. Например, якобы после нескольких дней проживания российского царя и его свиты в расположенном в предместье Берлина замке последний пришлось ремонтировать. Ну а еще он шокировал своим вызывающим сексуальным поведением. К добропорядочным европейкам он не приставал. Зачем, если, например, во время посещения Берлина в 1719 году его сопровождал «гарем» из 400 прачек, горничных и кухарок. «Каждая из них имела на руках богато одетого младенца и на вопрос, чей это ребенок, отвечала, отвешивая низкий поклон, как это принято в России, что это дитя у нее от царя».

ДАЛЬБЕРГ ЭРИК

ОПРАВДАТЕЛЬНОЕ ДОНЕСЕНИЕ КАРЛУ XII РИЖСКОГО ГУБЕРНАТОРА ДАЛЬБЕРГА (ПО ПОВОДУ ПОСЕЩЕНИЯ РИГИ ПЕТРОМ ВЕЛИКИМ В 1697 ГОДУ)

При посольстве Лефорта и Головина, отправленном в 1697 году в западные поморские государства, как известно, находился Петр под именем урядника Преображенского полка Петра Михайлова. Прием, оказанный этому посольству в Риге шведским губернатором Дальбергом, был настолько далек от того, чего считал себя вправе ожидать русский царь, что враждебное чувство глубоко залегло в его сердце. На обратном пути из-за границы, в 1700 году, Петр, при свидании с королем польским Августом II и во время переговоров о заключении союза против Швеции, высказал желание, чтобы король польский «помог ему отомстить обиду, которую учинил ему Рижский губернатор Дальберг». По-видимому, Карл XII узнал о неудовольствии царя на приеме, оказанный ему в Риге Дальбергом, лишь в 1699 году. И как следствие, потребовал от Эрика Дальберга письменных объяснений. Последний не только написал подробный отчет, но и приложил к нему письменные показания нескольких свидетелей.

«Ваше величество!

Я получил с всеижайшим благоговением письмо от 28 ноября, которое вашему величеству благоугодно было мне написать, с приложенным извлечением из всеижайшего донесения послов вашего величества из Москвы от 21 октября, касательно жалоб, заявленных царскими комиссарами, которые утверждают, что царскому посольству, проследовавшему в 1697 году чрез Ригу, будто бы

не были оказаны должные почести, и что с посольством этим обращались неподобающим образом, как с варварами и татарами.

Послы вашего королевского величества действительно писали мне во время своего пребывания в Москве и сообщили перевод жалоб, заявленных царскими министрами во время конференции; но так как письма эти до меня не дошли, будучи перехвачены на московской почте вместе с несколькими другими, то я и не имел никаких известий об этих жалобах до возвращения послов вашего королевского величества из Московии и до прибытия их в Нарву, откуда они мне написали и доставили копии со всех утраченных писем. Поэтому я тем более имею оснований благодарить ваше величество, сознавая милость, оказанную мне приказанием сделать вашему величеству точный доклад о том, как в действительности все это было, со всеми подробностями; ибо это дает мне случай доказать мою невинность и полнее оправдаться в неверных нареканиях царских министров.

Ваше величество! Эти нарекания были бы слишком чувствительны для человека, который, как я, всю жизнь старался приобрести такт и умение обращаться в свете, посещая те страны и местности, где учтивость и светский лоск наиболее в ходу; и было бы весьма тягостно после этого быть невинно обвиненным в подобных поступках, будто бы я поступал так неприлично, как они заявляют, и будто бы я не имел достаточно ни чести, ни светского лоска, ни разума, чтобы прилично встретить посольство великого государя.

Однако, принимая во внимание дух и обычаи московской нации, я могу легко утешиться: ибо чем учтивее с москвитями обращаться и чем более им оказывать почестей, тем менее достигается предположенная цель — удовлетворить их желаниям. Напротив, поступая с ними так, бываешь завален их безграничными претензиями на большая почести и выгоды; неминуема с их стороны от-

плата неблагодарностью за все оказанное им добро, если только не все их претензии удовлетворены. Для меня, государь, служит лучшим удовлетворением, какого я только мог желать, быть в состоянии доказать, до какой степени обвинен я несправедливо московскими комиссарами. Я нисколько не упустил озаботиться и дать надлежащие приказания, дабы это посольство было хорошо принято со всеми возможными почестями и даже с большим почетом, чем все предшествовавшие посольства, которые до сего проезжали чрез этот город. Так как я вполне понял, насколько необходимо при настоящих обстоятельствах сохранение добрых отношений, поэтому я постарался отличить прием этого посольства во всем, в чем казалось возможно. Мне было весьма желательно, для большего обеспечения себя, иметь точные приказания и резолюции вашего величества относительно некоторых пунктов, дабы действовать без колебаний; но по краткости времени я не имел возможности дожидаться этих приказаний, о коих я всенижайше ходатайствовал пред вашим величеством, и потому я был принужден собирать на месте необходимые сведения и для этого писать в Ревель и Нарву, дабы получить оттуда сведения, как поступали в подобных случаях, в особенности дабы узнать, было ли оказываемо угощение в этих городах московским посольствам. Ответ был отовсюду тождествен, то есть что посольствам этим нигде не было оказываемо гостеприимство бесплатно... Я дал приказания относительно приема этого посольства, основываясь главным образом на постановлениях договоров касательно подобных случаев, и даже старался, насколько казалось приличным, в данном случае оказать большой почет при приеме, дабы дать этим доказательства наибольшей дружбы. Я поручил г. Майору Глазенапу, весьма порядочному и учтивому дворянину, быть при них приставом или маршалом и придал ему в помощники капитана Дорнфельдта и одного дворянина, знающего московский язык, и послал их в Нейенгузен на границу, как

только получил известие, что посольство выехало из Москвы, дабы они были наготове встретить посольство тотчас при прибытии его за границу... Одновременно с этим я предписал начальникам уездов... сделать заблаговременно распоряжения, дабы экипажи и съестные припасы были наготове. С этой целью каждый из них был снабжен патентами и паспортами... Сверх того им было предписано выбрать на всем пути хорошие постоялые дворы и гостиницы для вечерних и полуденных остановок.

Между тем в Москве последовало строжайшее запрещение в течение некоторого времени отправлять почту из Москвы к нам, и даже не дозволялось никому выезжать из Московии; в числе других был там задержан довольно долго и наш переводчик Солдан. Без сомнения, эти меры были приняты с целью не распространять известие о том, что царь сам сопровождает посольство. Когда же потом почтовые сообщения снова возобновились, то стали вскрывать и читать письма. Поэтому нам было весьма трудно получить здесь какое-либо известие о времени прибытия посольства.

Сверх того, с московитской стороны распространяли слух, будто посольство переменило намерение проехать здесь, и что решено проследовать чрез Польскую Лифляндию. Но вскоре приехал некто майор Иоганн Шмидт с частью поклажи. За ним вслед приехал гонец с известительной грамотой Псковскаго воеводы от 14 марта, в коей, однако, не было обозначено в точности времени прибытия посольства на нашу границу, а также не обозначалось число лиц свиты. Это принудило меня в течение шести недель держать наготове на границе лошадей для посольских экипажей, что не могло не причинить значительных убытков крестьянам. Отослав их, приходилось их снова собирать, и затем, заставив еще ожидать некоторое время, снова отсылать домой. Было весьма затруднительно каждый раз вновь приводить лошадей. Наконец послы написали мне 22 марта из Пскова, уведомляя меня о прибы-

тии своем в этот город. При этом они, однако, даже приблизительно не определяли времени своего прибытия на нашу границу. Я отвечал им 26-го того месяца, что, хотя я и не получал от воеводы ни ответа на письмо мое, посланное 23 марта, ни вообще какого-либо уведомления о времени прибытия посольства и о численности его свиты, хотя именно об этом я запрашивал воеводу, я, тем не менее, сделал все необходимые и возможные приготовления для надлежащей встречи посольства. Я высказал надежду, что послы оценят все сделанное мною, так как я сделал все возможное (несмотря на голод и дороговизну в стране), чтобы заявить им дружбу и исполнить постановления Кардийского мира.

Наконец, после многих отсрочек, посольство прибыло внезапно 25 марта на границу и было встречено, расквартировано и угощаемо в Нейенгузене согласно донесениям лейтенанта Тилонса и окружного нотариуса Муррерса... О проезде посольства чрез Рижский округ до города Риги изложено в донесении окружного нотариуса Крели.

Когда посольство приблизилось к городу Риге, я выслал ему навстречу подполковника Пальмстранка и майора Ранка с моей каретой, запряженной 6 лошадьми, в сопровождении 12 драбантов в придворной ливрее и 10 из пажей моих и лакеев, роскошно одетых. За ними следовали 50 карет, принадлежащих как офицерам, так и другим частным лицам, а также карета магистрата, запряженная также 6 лошадьми. Сверх того, отряд в 36 человек, в одеяниях с галунами и с белыми плюмажами на шляпах, обыкновенно называемые «Swarten-haupten»; за ними другой отряд граждан верхом, числом в 140 человек, разодетых и вооруженных, с их знаменами, бубнами и трубами, с обнаженными саблями, в конце шествия. Все было установлено, дабы оказать наибольший почет этому посольству, там как никто не станет отрицать, что торжественность приема в данном случае значительно превзошла то, что делалось прежде, как здесь, так и в других местах, для московских посольств.

В вышеописанном порядке они вошли чрез городские ворота, называемые «Sandport», где был выставлен батальон под ружьем; за тем проследовали чрез город, проехав чрез рынок, где был выставлен другой батальон; а при выезде из городских ворот, называемых «Carlsport», стоял третий батальон. Все эти три батальона были с военной музыкой. Посольству были отведены квартиры в предместье, называемом «Castadien», где все предшествовавшие посольства были помещаемы. Во все время их пребывания поручик с 50 солдатами содержал караул пред домом, где помещалось посольство. При въезде и выезде из города посольство было встречено салютом в 16 выстрелов из пушек большого калибра.

Я послал к ним майора Врангеля и капитана Лилиеншерна поздравить от моего имени с счастливым прибытием, и они с своей стороны отправили ко мне одного подполковника с кузеном г-на Лефорта, чтобы благодарить. Так как я приказал капитану Лилиеншерну состоять при них ежедневно, чтобы исполнять их приказания, в особенности же г-на Лефорта, как старшего между ними, то он составил дневник всему, что происходило при их приеме и впоследствии во все время пребывания посольства в этом городе... Этот самый капитан уверяет, что послы выражали свое довольство отличным приемом, который им оказан, что подтверждается еще письмом комиссара Кнейпера из Москвы от 16 июля..., который пишет, что узнал тоже самое, то есть что глава посольства г-н Лефорт писал по этому поводу в Москву, в выражениях, доказывающих его удовольствие и благодарность.

Я посоветовал также всем полковникам, подполковникам, майорам и другим офицерам поочередно каждый день посещать членов посольства. Это они и выполняли во время пребывания здесь посольства. Сверх того я сам посылал узнавать почти каждый день о состоянии их здоровья, предлагая им в тоже время мои услуги. Если я сам лично не был у них для отдачи визита и не угощал их у

себя в замке, то это потому, что этого прежде никогда не делалось, и я счел поэтому излишним это делать в данном случае, а также потому, что это посольство не было послано к вашему величеству, но к другим державам. Я тем менее мог это сделать, что вследствие сильной простуды принужден был в течение пяти недель лежать в постели; но я вовсе не упустил этого сделать будто бы по причине кончины моей дочери, как это неправильно утверждают: дочь моя скончалась лишь 6 октября 1698 года, следовательно, чрез год и семь месяцев после отъезда их отсюда.

Ввиду того, что во время их пребывания некоторые лица из посольства стали объезжать верхом кругом города и в особенности окружающие возвышенности, при чем не ограничивались тем, что осматривали крепость из подозрительных трубок, но даже стали составлять план города и измерять глубину рвов, прогуливаясь по валу и гласису, все это принудило меня просить г. Лефорта запретить своим людям такого рода вольности, так как, будучи сам генералом, он должен был знать, что подобные поступки не допускаются в Европе ни в какой крепости. Он принял это заявление весьма хорошо, извиняясь в том, что произошло, и обещая запретить на будущее время подобные поступки своим неучам москвитам. Так произошел этот эпизод, о котором они повествуют, жалуясь без всякого основания и заявляя, что их будто бы содержали так строго, что даже им не дозволено было выходить из квартиры. Это совершенно не верно; напротив, они с полной свободой прохаживались по городу толпами, входили во все лавки и к ремесленникам, в харчевни и всюду, куда им приходило в голову. Все жители Риги могут это засвидетельствовать.

Впрочем, странно заявление царских комиссаров, что будто бы, в виду нахождения августейшей особы его царского величества при посольстве, следовало мне сделать несколько более того, что, по их словам, было сделано при приеме, ибо под страхом смертной казни было запрещено членам посольства сообщать о присутствии этого велико-

го государя между ними. Поэтому и с нашей стороны имели основание полагать, что было бы неуютно его царскому величеству, если бы мы делали вид, что имеем некоторые сведения о его высочайшем присутствии у нас.

До сих пор все посольство казалось очень довольно приемом, и действительно, оно не имело никаких оснований к жалобам; но когда под конец пришло время расплачиваться, то стало заметно некоторое недовольство. Это принудило меня приказать пересмотреть и сократить несколько чрезмерные счета их хозяев, при чем все было доведено согласно справедливости до наименьшей по возможности цифры. Дабы ваше величество могли видеть, как неосновательны их жалобы, будто для них цены были увеличены более чем вдвое против нормальных, и будто за перевоз чрез Двину у них исторгли 80 дукатов, посылаю при сем... подробный расчет, доставленный мне, по моему требованию, городским магистратом: здесь помещен список личного состава посольской свиты, весьма многочисленной, за тем подробные сведения о том, что было уплачено каждому из домохозяев за квартиру, дрова, освещение и т. п. Уплачено это было не по требованию домохозяев, но по доброй воле и по усмотрению посланников.

Я, впрочем, могу по совести засвидетельствовать, и клянусь моей душою, что я искал и прилагал всевозможные средства, чтобы они остались довольны, и всячески старался выказать им предупредительность, хотя они теперь все объясняют наоборот. Не моя вина, однако, что в то время была страшная дороговизна и недород на все сельские произведения: это явление было всеобщее в этой местности, и сам я не менее других от этого пострадал.

Они жалуются также на то, что будто бы им не оказали почета при отъезде предоставлением яхте и роскошно-убранных лодок для переправы чрез Двину; я могу, однако, сказать, что хотя подобных яхт и лодок здесь не имеется, я, тем не менее, распорядился таким образом, что главные лица посольства были перевезены на красивой

яхте, обитой красным сукном и украшенной королевским штандартом, а остальные в двух других яхтах и в лодках, числом свыше 30, какие здесь в употреблены, и все это приготовлено было нарочно для них. Сверх того во время переправы чрез реку их почтили 32 пушечными выстрелами. Таким образом, их обвинения противоречат истине. Независимо от этого, на том берегу Двины, до самой курляндской границы, в их распоряжение было предоставлено две кареты магистрата. Вследствие сильного ледохода на реке, а также вследствие громадного количества принадлежавшего посольству багажа, невозможно было найти столько барок, сколько нужно для перевозки большого числа карет и лошадей. Не следует также приписывать мне то, что некоторые из посольской свиты, по возвращении из Курляндии, при продаже лошадей своих, не могли продать их дороже 10 коп. за лошадь. Это до меня вовсе не касается, да сверх того я ничего об этом и не знал. Еще менее известно мне было что-либо касательно их гонца Якова Скоровцова, посланного из Курляндии: я его никогда не видал и ничего о нем не слыхал. Прилагаемые при сем свидетельства..., выданные содержанием постоялого двора, где обыкновенно останавливаются московиты, Мерманом, и двумя купцами, Гинцом и Офткиным (на имена коих обыкновенно адресуются все письма для московитов), интендантом Ярмерштедтом и префектом Гердгреном, могут служить достаточным доказательством, что такого гонца здесь никогда не было. Прибытие его сюда — чистая выдумка. Что же касается подозрения, которое я будто бы возымел против некоего Суроваго, которого так часто посылали к московитским посланникам — дело это мне совершенно неизвестно и лишено всякого основания. Я никогда ничего не слыхал об этом, еще менее видал или знал Суроваго.

Вашему величеству благоугодно будет усмотреть из всего вышеизложенного, до какой степени я невинен во всех обвинениях, на меня возводимых. Вот почему я все-

нижайше умоляю ваше величество оказать мне милость, приняв меня под свое могущественное покровительство, тем более, что я могу уверить, что никогда бы не позволил себе оказать неуважение столь могущественному государю как его царское величество, если бы присутствие его здесь было мне известно. Правда, я был бдителен и ревнив в охране пограничной крепости короля, моего повелителя; но в этом отношении я скорее считал бы себя вправе ожидать похвалы, чем порицания со стороны его царского величества как великого победоносца...

Е. Дальберг.

Рига, 8 Марта 1700».

Печатается по: Дальберг Е. Оправдательное донесение Карлу XII-му Рижского губернатора Дельберга (по поводу посещения Риги Петром Великим в 1697 году) / Перевод и предисл. С.В. Арсеньева // Русский архив, 1889. — Кн. 1. — Вып. 3. — С. 385-391.

СОВРЕМЕННЫЕ РАССКАЗЫ И ОТЗЫВЫ О ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ

В 1881 году в журнале «Русский архив» была опубликована подборка воспоминаний жителей Западной Европы, которые высказали свое мнение о Петре Первом и самой России. Публикация интересна не только тем, что в научный оборот было введено несколько новых источников, но и нейтральным отношением автора данной статьи к попыткам мемуаристов создать негативный образ российского императора.

Когда могучею волею Петра Россия вступила деятельным членом в семью Европейских держав, событие это встретили на Западе вообще не дружелюбно. Между тем как правительства разных стран старались втянуть Россию в свои интересы и сделать ее орудием своих планов или, по крайней мере, источником для извлечения выгод, общество западно-европейское ограничивалось тем, что представляло себе русский народ диким, варварским, неспособным к образованию, но уже испорченным многими пороками. Лишь немногие лучшие умы западной Европы с бескорыстным сочувствием встречали преобразовательные стремления Петра Великого и приветствовали успехи России на поприще образования. Так, известно, что знаменитый Лейбниц с самой эпохи великого посольства с неослабным вниманием следил за реформами Петра и вошел с ним в непосредственные сношения¹⁶⁴. Менее участливо, но также с интересом отнесся к великому посольству 1697-1698 года другой славный европейский мыслитель и писатель — Бель. В доказательство приводим следующее его письмо, от 5-го сентября 1697 года, из Амстерда-

ма в Женеву, письмо — если не ошибаемся — неизвестное в русской исторической литературе.

«Наши газеты известили вас о великолепном приеме, который оказан городом Амстердамом московскому посольству; но не знаю, сообщили ли они о том удивительнейшем обстоятельстве, что сам великий князь находится в свите своих послов. Он воспользовался этим посольством, чтоб совершить путешествие под чужим именем, и ему внушили эту мысль для того, чтоб он, взглянув на европейские дворы, научился способу водворить в своем государстве то, чего ему недостает, именно — образования, как в сфере военного искусства, так и вообще в научном отношении. Говорят, что г. Лефорт, женевский уроженец, пользующийся большим значением при московском дворе, убедил царя учредить разные академии как для общего образования, так и для обучения юношества познаниям приличным дворянину. Такой государь легко мог бы распространить свои завоевания до пределов Китая, если бы он и его подданные знали военное искусство, как знают его во Франции и в союзных государствах, воюющих против Франции»¹⁶⁵.

В объяснение этого указания на возможное столкновение России с Китаем нужно вспомнить, что сношения европейцев с Китаем никогда еще не были так живы, как в конце XVII века, благодаря усилиям и ловкости иезуитов, которые сумели возбудить интерес богдыхана (*китайского императора — прим. ред.*) и китайских министров к математическим знаниям и этим средством заискивать их расположение. Тогда в западной Европе были высокого мнения об образованности китайцев, и Лейбниц, напр., ожидал великих выгод от взаимодействия китайской и европейской цивилизации. Так же думал и Бель, полагая, что Россия может быть удобною посредницей в сближении Западной Европы с Китаем.

Поездки Петра за границу, как видно и из приведенного письма, чаще всего давали его западноевропейским

современникам повод к тому, чтобы высказывать свои суждения как о русском народе вообще, так и о великом государе его, столь поражавшем Европу своими деяниями. С. М. Соловьев в XIV-м томе своей «Истории России» привел два отзыва о Петре, высказанные в эпоху великого посольства двумя образованнейшими женщинами Германии — курфюрстиной Ганноверскою Софией и ее дочерью, курфюрстиной Бранденбургскою Софией-Шарлоттой. Смысл обоих отзывов сводится к следующему приговору: «Это — человек очень хороший и вместе с тем дурной». Мы приведем еще два иностранных рассказа о Петре, относящиеся к более позднему времени и до сих пор не указанные русскими историками, и в этих рассказах встретим опять более или менее то же впечатление, которое подметил наш почтенный историк. Рассказы эти любопытны некоторыми подробностями, в которых личность великого государя очерчивается очень характерно.

Первый из приводимых рассказов принадлежит графу Христофору Дона, министру первого Прусского короля Фридриха I, и относится к 1709 году, а второй — маркиграфине Барейтской Софии-Вильгельмине, любимой сестре Фридриха Великого и внучке упомянутой выше Софии-Шарлотты Бранденбургской; он относится к 1717 году. Вот рассказ графа Дона¹⁶⁶.

В сентябре 1709 года король прусский имел свидание с царем московским Петром Великим; оно произошло в Мариенвердере, и близкое соседство соблазнило меня туда отправиться, во-первых, чтобы повидаться с моим дорогим повелителем, а во-вторых, чтобы постараться доставить свободу моему двоюродному брату, графу Д. С., который, желая оказать услугу королю Станиславу, имел несчастье попасться в руки московитов. Когда я приехал, все сидели за столом, и король, заметив меня, раздвинул толпу, которая в тот день была весьма многочисленна, приказал мне приблизиться, обласкал и представил меня царю.

Тут я воспользовался временем и вполголоса все рассказал королю, умоляя его вступить за моего родственника; этот великодушный государь с полною охотой согласился на мою просьбу и получил обещание, что мой родственник будет вскоре освобожден. Я хотел броситься к ногам царя и благодарить его; но он вежливо заметил мне, что я должен благодарить не его, а его брата Фридриха¹⁶⁷, без ходатайства которого мой двоюродный брат не так-то скоро возвратился бы в Пруссию. Затем царь прибавил, что не худо будет с моей стороны, если я дружески посоветую моему родственнику впредь не мешаться в подобные дела, чтобы с ним не приключилось чего хуже, если он снова попадется в его руки. «Государь, — отвечал я, — если он вновь попадется к вам, то прошу наше величество приказать его высечь кнутом». Так как государь не совсем хорошо расслышал, что я ему сказал, то велел повторить и, узнав в чем дело, возразил, что это уж слишком сильно сказано, так как наказание кнутом — самое суровое, строже которого только смертная казнь. Государь этот был прав и, быть может, был бы еще правее, если бы не сделал оговорки; ибо, как кто ни люби жизнь, а смерть лучше подобной жестокой муки. Здесь излишне о ней распространяться, да и к тому же ее описание можно найти в сотне других книг. Со всем тем, обратясь со своею просьбою, я ничем не рисковал: она означала только, что граф Д. С. будет проучен и, получив возможность увидаться со своей семьей, уже не пожелает более попасться в столь жестокия руки и подвергнуться тому, что испытал.

«На Мариенвердерском свидании только и делали, что пиروвали и опорожняли бутылки венгерского (*вина — прим. ред.*); по крайней мере, мне неизвестно, чтобы при этом велись какие-либо переговоры или были заключены какие условия. Правда, заходила речь о проекте союза; но вице-канцлер Шафиров, который должен был о том договориться с графом Вартенбергом, оказался до того

притязателен и держал себя так гордо и неприступно, что не было никакой возможности ни до чего договориться, и этот союзный договор заключен лишь спустя несколько лет в Берлине. Но взамен того оба монарха оказывали друг другу всяческие любезности, и едва ли они обменивались шестью словами без сердечных лобызаний. Царь подарил королю свою шпагу, которая на нем была во время Полтавского боя, шпагу ничем не замечательную, разве только тем, что ее имел при себе храбрый государь: к тому же она была до того массивна, что я постоянно боялся за моего доброго короля, как бы он не упал с нею; впрочем, он все время, пока был в Мариенвердере, носил ее, чтобы сделать тем удовольствие своему другу, который ничего не потерял от промена, так как король сделал ему и всему его двору значительные подарки».

«Из всех пиров, данных в Мариенверде, самый великолепный был у князя Меншикова, где жестоко пили, и откуда король удалился рано. Что бы там ни говорили, а покойный царь Петр отлично умел сдерживать себя, когда того хотел, и даже когда был разгорячен от питья, и вот тому пример: это случилось именно на этом пиру. Рёнке, генерал, состоявший на службе у этого государя, и который по приказанию Меншикова принимал всех гостей, в этот день выпил более обыкновенного и вдруг начал жаловаться на свою судьбу и заявлять довольно гласно, что считает себя недостаточно награжденным. Государь, желая разом прекратить эти бесконечные жалобы, потрепав его по плечу, сказал мягким и важным тоном: «Друг мой Рёнке, не знаю, имеешь ли ты повод жаловаться: но знаю только то, что не будь ты в моей службе, тебе бы еще далеко было до генеральского чина, которым ты величаешься». Эти слова мне понравились и успокоили меня; ибо, судя по тому, как мне описывали нрав Петра Алексеевича, я ожидал, что этого генерала постигнет что-нибудь ужасное».

Очевидно, граф Дона ожидал вынести из встречи с Петром впечатление неблагоприятное — и не без удивле-

ния пришел к иному, лучшему заключению о русском царе. В рассказе маркграфини заметен другой оттенок: чопорная немецкая принцесса (которая была тогда еще ребенком) оказалась более строга к обращению и привычкам причудливого царя и, по-видимому, не побрезгала вставить в свой рассказ несколько весьма сомнительных подробностей не в пользу русских. Вот ее повествование¹⁶⁸.

«Царь Петр, очень любивший путешествовать, приехал из Голландии. Он принужден был остановиться в городе Клеве, за болезнью государыни, которая разрешилась от бремени ранее срока. Так как он не любил ни света, ни каких церемоний, то и просил короля отвести ему из увеселительных дворцов, находящихся в предместьях Берлина, тот, который принадлежал королеве. Королева была этим очень недовольна: повелев выстроить этот прелестный домик, она много заботилась о самой роскошной его отделке; там находилось бесподобное собрание фарфоров, все покои были украшены зеркалами, и так как этот дворец вышел чистою игрушкой, то и получил это прозвище. Прекрасный сад окаймлялся рекою, которая придавала ему еще более прелести».

«В предупреждение беспорядков, которые господа русские оставляли по себе во всех тех местах, где только побывали, королева озаботилась вывезти из своего дворца всю мебель и вынести все хрупкие вещи. Спустя несколько дней после того царь с супругой и своим двором прибыл в Мон-Віжоу. Король и королева встретили их на берегу реки, и король подал государыне руку, чтобы свести ее на землю. Лишь только царь ступил на берег, как протянул королю руку, сказав: «Я очень рад вас видеть, любезный брат». Затем он подошел к королеве, желая ее поцеловать, но та оттолкнула его. Царица же начала с того, что поцеловала руку королеве, да и не один еще раз. Потом она представила принца и принцессу Мекленбургских, которые их сопровождали в путешествии, а равно и так называемых

дам, в числе 400, которые составляли государыне штат. То были по большей части служанки из немок, которые исполняли обязанности дам, прислужниц, поварих и прачек. Почти каждая из этих тварей держала на своих руках богато разодетого ребенка, и когда их спрашивали — не их ли то дети, то каждая из них, отвешивая по русскому обычаю низкий поклон, отвечала: «Государь мне сделал честь, пожаловал мне дитя». Королева не пожелала приветствовать эти жалкие создания. Царица в отместку, с своей стороны, весьма свысока обошлась с принцессами крови, и королю стоило больших усилий добиться, чтобы царица им поклонилась. Я увидела весь этот двор на другой же день, прибегая, когда царь с своею супругой приехал отдавать визит королеве. Королева принимала их в парадных покоях дворца и вышла к ним навстречу до залы, где стоит стража. Королева подала правую руку царице и ввела ее в свою приемную комнату».

«Король с царем последовали за ними. Только что царь заметил меня, тотчас же узнал, так как он видел меня перед тем уже пять раз. Он взял меня под руку и содрал мне всю кожу с лица, стараясь меня поцеловать. Я ему надавала пощечин и отбивалась насколько могла, говоря, что вовсе не желаю такого бесцеремонного обращения, и что он меня обижает. Царь очень смеялся этому и долго со мною занимался. Тут я проговорила ему то, что меня научили: рассказала ему про его флот, про его победы, и тем так его очаровала, что он несколько раз повторил царице, что если б у него был такой ребенок как я, то он охотно бы уступил одну из своих провинций. Царица также много ласкала меня. Королева и царица поместились на креслах под балдахин, я стояла подле королевы, а принцессы крови напротив нее».

«Государыня была небольшого роста, полна, очень смугла и не имела ни представительного вида, ни грации. Довольно было взглянуть на нее, чтобы догадаться о ее

низком происхождении. По ее странному наряду ее можно было принять за немецкую актрису: на ней было платье, купленное чуть ли не на рынке, старомодное, и на котором было слишком много серебра и грязи. Перед юбки был весь украшен драгоценными камнями, расположенными в очень странный рисунок: то был двуглавый орел, перья коего были сделаны из мельчайших алмазов, очень дурной оправы. На ней была надета дюжина орденских знаков, да столько же образков, прикрепленных во всю длину убора ее платья, так что когда она шла, то все эти образки, ударяясь один о другой, производили шум, точно когда идет мул и гремит своими привесками».

«Царь, наоборот, был очень высок ростом и довольно хорошо сложен; черты лица его были прекрасны, но в его выражении было что-то жесткое, что вселяло страх. Одет он был по-матросски, в одноцветном платье. Государыня, изъяснявшаяся очень дурно по-немецки и не хорошо понимавшая, что ей говорила королева, велела приблизиться своей шутихе, и стала с нею говорить по-русски. Эта несчастная была некая княжна Голицына, обреченная на эту роль, чтобы спасти себе жизнь: она была замешана в заговоре против царя, и ее дважды секли кнутом. Уж не знаю, что она говорила царице, но только последняя громко смеялась».

«Наконец, все сели за стол, за которым царь занял место возле королевы. Всем известно, что этот государь был некогда отравлен: самый острый яд с молодости поразил его нервы, что и было причиной, что с ним делались очень часто судороги, которых он никак не мог предупредить. Такой именно случай с ним приключился за обедом: много раз его сводила судорога, а так как у него в руках был нож, которым он размахивал в очень близком расстоянии от королевы, то сия последняя от страха несколько раз порывалась встать. Царь просил ее успокоиться, говоря, что не причинит ей вреда, и в то же время взял у нее

руку и сжал ее так крепко, что королева принуждена была просить пощады; он от чистого сердца захохотал и сказал, что, видно, у нее кости понежнее, чем у его Катерины».

«После ужина все было приготовлено к балу, но царь исчез, лишь только встал из-за стола, и возвратился один пешком к себе в Мон-бйон. На другой день ему было показано все, что было примечательного в Берлине, и между прочим кабинет медалей и древних статуй. Между этими последними находилась — как мне говорили — статуя, представляющая какое-то языческое божество в очень нескромной позе: кумиром этим во времена древних римлян украшали спальни новобрачных. Эта статуя считалась весьма редкою и одним из лучших произведений в собрании. Царь много восхищался ею и приказал государыне поцеловать ее; она хотела уклониться от этого, но он рассердился и сказал ей на дурном немецком языке: «*Kor ab*», что означало: «Если ты ослушаешься, то я велю отрубить тебе голову». Государыня была в таком страхе, что все исполняла, что бы он ни пожелал. Царь безо всяких церемоний просил короля подарить ему эту статую и еще несколько других, и король не мог отказать. Точно так же поступил он и в другом кабинете, где все стены были из янтаря. Кабинет этот считался в своем роде единственным и стоил громадных денег королю Фридриху I; но, к общему сожалению, его постигла печальная судьба: он был отправлен в Петербург»¹⁶⁹.

«Наконец, по прошествии двух суток, этот варварский двор уехал. Королева тотчас же отправилась в Мон-бйон, где нашла картину Иерусалимского разрушения. Я в жизни своей ничего подобного не видала: до того все было испорчено, и королева принуждена была велеть чуть не сзнова строить этот дворец».

В том же 1717 году, когда состоялось вышеописанное свидание русского царя с прусскою королевскою семьею, Петр посетил Францию и виделся с малолетним Людо-

виком XV. Осмотр Парижа и его окрестностей довольно подробно описан как в русских, так и во французских источниках, и должно сказать, что в сих последних оказывается гораздо более уважения к Петру, даже более понижения его гениальности, чем в приведенных выше немецких известиях. Правда, что и среди французского двора, славившегося утонченностью своих обычаев и служившего в этом отношении образцом для всех других европейских дворов, простота и бесцеремонность, которыми отличался Петр в своем обращении, казались чем-то диким, варварским; но все же во Франции лучше умели оценить его любовь к просвещению и более старались удовлетворить его любознательности и занять его внимание предметами серьезного интереса: здесь он посещал не только придворные празднества, но и заседания академий и различных ученых и промышленных учреждения. Известны его беседа с сорбонскими богословами и присутствие его в одном из заседаний Парижской академии наук¹⁷⁰.

Но почти ото всех писавших о пребывании Петра в Париже ускользнули подробности о том, как он осматривал знаменитую королевскую библиотеку и как присутствовал в заседании академии надписей и словесных наук.

Посещение библиотеки всего подробнее описано в дневнике некоего Ж. Бюва, который сам состоял на службе при этом учреждении и, без сомнения, рассказывает этот случай как очевидец¹⁷¹.

Вот его рассказ.

«29-го мая, в 11 часов утра, царь прибыл в королевскую библиотеку в сопровождении князя Куракина, который стоял сзади его величества, и своего вице-канцлера, который также стоял по другую сторону стола. Царь сидел на кресле. Королевский библиотекарь, аббат Лувуа, показал ему множество древних греческих рукописей, украшенных прекрасными миниатюрами; некоторые из них, священного содержания, понравились ему, и он наклонял-

ся, чтобы поцеловать их. Затем ему были показаны самые редкие и любопытные предметы, сохраняемые в этой обширной библиотеке, и в том числе гробница Хильдерика, отца Хлодвига, первого христианина из наших королей».

«Внимание царя обратили на золотой перстень с печатью, которым Хильдерик печатал свои письма, как полагают по надписи на этой печати — *Childerici regis*, а также многие другие золотые вещи из этой гробницы, прекрасно сделанную бычачью голову с красною эмалью, считаемую за идол этого государя, далее многие золотые римские монеты и золотые лилии и боевой топор Хильдерика, который царь прикладывал к своим щекам как бы из почтения к памяти этого древнего французского государя. Затем царь удалился в сопровождении камер-юнкера де-Либуа, которому поручено всюду сопровождать его. Царь был тогда в кафтане из довольно грубого бархата серого цвета без узоров и в сером же шерстяном жилете с бриллиантовыми пуговицами, без галстука и без кружевных манжет на рукавах рубашки, в небольшом темном испанском парике без пудры; парик этот был обстрижен сзади, потому что показался ему слишком длинен. На кафтане был небольшой воротник, как носят путешественники. Стан его был стянут поясом из серебряного галуна, на котором висел кинжал по восточному обычаю. Государь этот высокого роста, довольно строен, скорее худ, чем полон, цвет его лица довольно бледный, без румянца; взор несколько растерянный, и притом он часто моргает глазами, что приписывали тогда действию яда, которым он был когда-то отравлен. Когда он приехал в библиотеку, то слегка кивнул головой аббату Лувуа, который встретил его глубоким поклоном и титуловал его «величеством» в ответ на всякий вопрос царя. Он не сделал библиотеке никакого подарка. В прибытие его и при отъезде у входной двери стоял шпалерою взвод французских гвардейцев из 12 человек».

Что касается посещения Петром академии надписей и словесных наук, то рассказ о том сохранился в Записках этого учреждения, которые издавались под заглавием: *Histoire de l'academie royale des inscriptions et belles-lettres, avec les Memoires de litterature tires des registres de cette academie, depuis l'annee 1718 jusques et compris l'annee 1725. Tome V. Paris. 1729.* Тот же рассказ воспроизведен и в *Journal des Scavans* 1730 г., в январской книжке (по Амстердамскому изданию, стр. 82-86), откуда мы и заимствуем его.

«Покойный царь Петр Алексеевич желал лично познакомиться с членами этой академии, создание которой казалось ему верным средством увековечить славу великого монарха¹⁷². Итак, он прибыл в академию. Ему изъяснили ее цель и занятия, которые он, по-видимому, одобрил: ему показали книгу медалей покойного короля и самое собрание их, и он, рассмотрев со вниманием, засвидетельствовал последнее основательностью своих замечаний. Потом, вынув из своего кошелька пятнадцать золотых медалей разной величины, относящихся к его собственной истории, он показал их собранию, любезно предупредив, что делает это не для того, чтобы сравнивать работу и смысл их, а тем менее деяния, на них представленные, с тем, что изображено на медалях Людовика Великого (так именно он выразился), а единственно для того, чтобы заявить свое постоянное убеждение о приличном способе оставить своим потомкам примеры, способные их поощрить и наставить. Разговор окончился заверением с его стороны, что он прикажет сообщать академии и предоставлять ее научной оценке важные памятники, которые могут быть открыты в его государстве, во всех тех случаях, когда признает это нужным».

«Действительно, академии вскоре представилась возможность доказать ему свою признательность, и ее готовность помочь герцогу д'Антену оказать царю одну задум-

манную им любезность при посещении царем медального двора увенчалась желаемым успехом. Предполагалось выбить там неожиданно медаль с изображением и именем царя и с лестным указанием на его путешествия; имелось в распоряжении всего восемь или десять дней для того, чтобы нарисовать проект медали, вылепить ее и награвировать штамп. Несмотря на краткость этого срока, делавшую подобное намерение, по-видимому, неисполнимым, когда царь прибыл на медальный двор и пожелал сам привести в движение большое шибало, устройство которого было им пристально рассмотрено, он был приятно поражен, когда из-под чекана явилась большая золотая медаль, и он увидел на ней свое собственное изображение, более похожее и более хорошо исполненное, чем все его портреты, гравированные по его заказу в Московии и в Голландии. Не менее того приятно ему было увидеть на обороте медали изображение Славы, летящей с Севера на Юг, и прочесть следующие слова Вергилия: *Vires acquirit eundo*¹⁷³».

«По возвращении в свои владения царь сдержал слово, данное им академии: в 1719 же году он спрашивал ее мнения относительно большой латинской надписи, которая должна была быть помещена на четырех сторонах пьедестала конной статуи, воздвигаемой этим государем в Петербург. Он был доволен тем усердием, какое академия обнаружила к украшению этого памятника, модель которого была ей прислана, и приказал благодарить членов в самых любезных выражениях. В 1722 году он препроводил в академию изображения фигур (по большей части бронзовых) божеств, людей и животных, которые были найдены в предшествующем году в окрестностях Астрахани, где стояла тогда армия этого государя. Бернард де Монфокон награвировал эти изображения в V-м томе дополнений к своим «Древностям», присовокупив к тому и краткое их истолкование».

«Вскоре за тем любознательность царя была снова возбуждена некоторыми остатками какой-то библиотеки,

найденными в одном дворце (chateau) в стране калмыков; москвитяне придавали ей столь мало значения, что вместо того, чтобы сберечь книги, они их уничтожили, за исключением нескольких листков, попавших в руки его царского величества. Государь этот, после тщетных справок у людей ученых своей страны и в разных северных университетах о том, что это за письмена, отнесся к президенту академии, аббату Виньону, и прислал ему один из помянутых листков. Листок был показан в заседании академии, и здесь гг. Фрере и Фурмон-старший признали, что он писан тибетскими письменами и на тибетском языке. При пособии собрания тибетских слов, которое г. Фрере получил от одного миссионера, прибывшего из тех стран за несколько лет пред сим, г. Фурмон с помощью своего брата взялся за прочтение листка, что и успел сделать. Оказалось, что то был отрывок поучения или надгробного слова в татарском вкусе, с весьма смелыми риторическими фигурами и повторениями, и что содержание его состояло главным образом в нравственных рассуждениях касательно будущей жизни. Гг. Фурмоны сделали с этого отрывка два перевода на латинский язык: один буквальный и подстрочный, а другой — более пространный и свободный, и присоединили к тому еще перевод французский для прочтения его королю. Затем все было отослано к царю г. аббатом Виньоном, который приказал все перевести на русский язык, чтобы сделать более понятным этому государю».

К сожалению, нам не удалось найти в русских источниках никаких дополнений к описанным выше сношениям Петра с академией надписей; но нельзя не признать, что и те данные, которые здесь изложены, с одной стороны, представляют новое свидетельство о действительной любви Петра к науке и об искреннем уважении его к ее подвижникам, а с другой — свидетельствуют и о просвещенных воззрениях представителей французской учености, которые своим почтительным и внимательным отношением к Петру доказали несомненное превосходство

тогдашней французской образованности над культурой других народов. Полагаем, что эту точку зрения, то есть степень умственной зрелости самих свидетелей, необходимо иметь всегда в виду для правильной оценки иностранных повествований и отзывов о событиях и деятелях русской жизни и для успешного пользования этими материалами.

Печатается по: Современные рассказы и отзывы о Петре Великом [Извлечения из записок Х. фон Дона, Вильгельмины Байретской, Ж. Бюва, Записок французской академии надписей] / Перевод и публ. М. // Русский архив, 1881. — Кн. 1. — Вып. 1. — С. 5-16.

Эпизод из посещения Берлина ПЕТРОМ ВЕЛИКИМ

В 1810 году впервые были опубликованы воспоминания сестры прусского короля Фридриха II¹⁷⁴, маркграфини Вильгельмины Байретской (старшей дочери прусского короля Фридриха — Вильгельма I, 1709—1758 гг.). В них несколько страниц посвящено описанию встречи с Петром Первым в Берлине.

Я чуть не забыла упомянуть, что в 1719 году в Берлин приехал царь Петр. Его пребывание у нас так сильно смахивает на анекдот, что заслуживает, чтобы я его описала в моих мемуарах. Петр очень любил путешествовать и направлялся к нам из Голландии. Но по дороге ему пришлось остаться на некоторое время в Клевэ, потому что царица заболела (у нее был выкидыш).

Так как он не любил большого общества и не терпел торжественных приемов, он попросил, чтобы король распорядился отвести для него помещение в увеселительном замке королевы, расположенном в предместье Берлина. Королеву это очень мало обрадовало, так как замок был лишь недавно выстроен, а кроме того, она положила много забот и затрат, чтобы побогаче и покрасивее устроить его. Там была великолепная коллекция фарфора, на стенах повсюду висели дорогие зеркала, и дом стал, действительно, походять на сокровище, откуда и произошло его название. Дом был окружен садом, неподалеку от него протекала река, а это еще более увеличивало красоту его местоположения. Чтобы уберечь вещи от порчи, которую русские гости производили повсюду, куда бы они ни приехали, королева приказала вывезти из дома всю дорогую мебель и те из украшений, которые легко могли разбиться.

Царь, его жена и весь их двор приехали в Берлин по реке и были встречены королем и королевой на берегу. Король помог царице сойти; как только царь ступил на землю, он крепко пожал королю руку и сказал: «Я рад видеть вас, брат Фридрих!». Потом он подошел к королеве и хотел было обнять ее, но она оттолкнула его.

Царица начала с того, что принялась целовать у королевых руки, причем она проделала это много раз. Затем она представила ей герцога и герцогиню Мекленбургских, приехавших вместе с ними, а также и сопровождавших их 400 дам, из которых состояла ее свита, собственно говоря, все они были горничными, кухарками и прачками, каждая из них имела на руках богато одетого младенца и на вопрос, чей это ребенок, отвечала, отвешивая низкий поклон, как это принято в России, что это дитя у нее от царя. Королева не удостоила этих женщин и взгляда. Тогда царица, как бы оплачивая ей за это, обошлась весьма высокомерно с немецкими принцессами, но король после некоторых переговоров заставил ее все-таки поклониться им.

Я увидела этих гостей лишь на следующий день, когда они пришли к королеве; королева решила принять их в зале, где обыкновенно бывали большие приемы; она встретила их чуть ли не у входа во дворец, где расположена стража, и, взяв царицу за левую руку, повела ее в этот аудиенц-зал. За ними следовали король вместе с царем.

Как только царь меня увидел, он тотчас же узнал меня, так как мы виделись уже пять лет тому назад. Он взял меня на руки¹⁷⁵ и исцарапал поцелуями все мое лицо. Я била его по щекам и старалась изо всех сил вырваться из его рук, говоря, что терпеть не могу нежностей, и что его поцелуи меня оскорбляют. При этих словах он громко расхохотался. Потом он стал беседовать со мной; меня еще накануне заставили выучить все, что я должна была сказать ему. Я говорила о его флоте, о его победах, и это привело его в восторг; он несколько раз повторил, что охотно отдал бы одну из своих провинций в обмен на такого ребенка как я.

Царица тоже приласкала меня. Она была мала ростом, толста и черна; вся ее внешность не производила выгодного впечатления. Стоило на нее взглянуть, чтобы тотчас заметить, что она была низкого происхождения.

Платье, которое было на ней, по всей вероятности, было куплено в лавке на рынке; оно было старомодного фасона и все обшито серебром и блестками. По ее наряду можно было принять ее за немецкую странствующую артистку. На ней был пояс, украшенный спереди вышивкой из драгоценных камней, очень оригинального рисунка в виде двухглавого орла, крылья которого были усеяны маленькими драгоценными камнями в скверной оправе. На царице было навешано около дюжины орденов и столько же образков и амулетов, и, когда она шла, все звенело, словно прошел наряженный мул.

Напротив, царь был человек высокого роста и красивой наружности, черты его лица носили печать суровости и внушали страх. На нем было простое матросское платье.

Его супруга плохо говорила по-немецки и едва-едва понимала, что королева говорила ей; она подозвала к себе свою шутиху, княгиню Голицыну, чтобы поболтать с нею по-русски. Эта несчастная женщина согласилась исполнять шутовския обязанности ради спасения своей жизни; она участвовала когда-то в заговоре против царя и дважды подвергалась за это битью кнутом. Неизвестно, что она говорила царице, но та каждый раз раздражалась громким хохотом.

Наконец все уселись за стол; царь занял место возле королевы. Как известно, в детстве его пытались отравить, отчего вся его нервная система отличалась крайней раздражительностью и легкой возбудимостью; он был к тому же подвержен частым припадкам конвульсий, которые он не мог преодолеть.

За столом с ним приключился один из таких припадков, а так как именно в тот момент он держал в руках нож, то так усиленно начал размахивать им перед королевой, что последняя перепугалась и хотела вскочить с мес-

та. Царь начал ее успокаивать, уверяя, что не причинит ей вреда; при этом он взял ее за руку и так крепко пожал, что королева взмолилась о пощаде. На это Петр, громко смеясь, заметил, что ее кости нежнее, чем у его Катерины.

После ужина должен был состояться бал, но царь, как только встали из-за стола, тайком улизнул и прошел пешком до самого Monbijou.

На следующий день ему показали все достопримечательности Берлина и, между прочим, собрание медалей и античных статуэток. Среди них была одна самая ценная в очень непристойной позе. Как мне потом стало известно, такими статуэтками в древнем Риме украшали комнаты новобрачных. Царь очень любовался ею и вдруг приказал царице поцеловать ее. Она не захотела; тогда он расшвырнул и крикнул ей на ломаном немецком языке: «Ты головой заплатишь за свой отказ!». Как видно, он собирался казнить ее, если она ослушается его. Царица в испуге поцеловала статуэтку. Царь, нисколько не церемонясь, выпросил у короля как эту статуэтку, так и несколько других. Ему также понравился дорогой шкаф из черного дерева, за который король Фридрих I заплатил огромные деньги, и он увез его с собой в Петербург ко всеобщему отчаянию.

Наконец, через два дня, весь этот варварский двор покинул Берлин, королева поспешила в Monbijou, где все выглядело словно после разрушения Иерусалима. Никогда ничего подобного не было видано! Все до того было испорчено, что королеве пришлось заново перестроить весь дворец.

Печатается по: Вильгельмина Байретская. Эпизод из посещения Берлина Петром Великим. Рассказанный маркграфиней Вильгельминой Байретской в ея мемуарах / Пер. С. Клейнер // Голос минувшего, 1913. — №9. — С. 169-172.